

Завершился ли переходный период в экономике России?

**Виктор Михайлович
КУЛЬКОВ**

доктор экономических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленгоры, д. 1, стр. 46, vigma@migmail.ru

Аннотация. Несмотря на четверть века с начала рыночной трансформации (транзиции) в России, имеются серьезные сомнения относительно завершения переходного периода. Переход к новому эффективному типу экономики в идеале должен быть одновременно и периодом трансформации, и периодом модернизации, и периодом формирования национальной экономической модели. Лишь в таком случае он может быть квалифицирован как полноценный, адекватный и конструктивный. Такого совмещения в России не произошло, рыночные преобразования проходили как бы сами по себе, и в этом состоит корень ее многих современных проблем. Современный кризис в российской экономике отражает в первую очередь нерешенность указанных задач, требовавших своей реализации с самого начала трансформации. Этот кризис является прежде всего концентрированным выражением и продолжением трансформационного и воспроизводственного кризисов национальной экономики, кризиса сложившейся ущербной экономической модели и проводившейся экономической политики. Внешние факторы стали лишь детонатором обострения внутренних российских проблем. Для эффективного противодействия такому объемному кризису нужно учитывать все его стороны и глубинные причины, восходящие к проблемам переходного периода. Только осуществление модернизации экономики и формирование эффективной национальной экономической модели способны вывести российскую экономику на принципиально новый уровень развития и тем самым преодолеть исторически возникший отрыв трансформации от указанных процессов. Именно в этом случае возникнут веские основания для вывода о преодолении конечной границы переходного периода. Новая модель экономики страны должна быть адекватной всему комплексу национально-специфических факторов и стратегических, жизненно важных целей развития, присущих России. Стержнем модернизации должна стать новая индустриализация, которая характеризуется переходом к автоматизации, информатизации, экологизации индустриальных производств, к новому типу воспроизводства — наукоемкого, высокотехнологичного и эколого-эффективного и сопровождается адекватным изменением характера экономических отношений и институтов.

Ключевые слова: трансформация, модернизация, новая индустриализация, российская модель экономики.

1. Границы переходного периода

Вопрос о переходном (трансформационном, транзитивном) характере российской экономики был крайне актуальным в 1990-е гг., когда в стране осуществлялись радикальные рыночные преобразования. Это отражалось не только в практических действиях, но и в научных обсуждениях, и в экономическом образовании, в структуре которого появились учебные курсы под характерными названиями «Переходная экономика», «Теория трансформационных процессов» и т.п. При всей широте и многообразии указанной проблематики особое внимание привлекал вопрос об этапах и границах переходного периода. С одной стороны, это сам по себе фундаментальный вопрос, давно интересовавший политэкономов; с другой стороны, он имел для России на рубеже веков и практическое значение: стремление быстрого (уже в 1990-е гг.) получения статуса страны с рыночной экономикой диктовалось желанием как приобрести новый имидж и оправдать результативность проводимых преобразований, так и получить некоторые внешнеэкономические бонусы. Официальная позиция в этот период выражалась в том, чтобы превознести рыночный характер российской экономики и избавиться от ярлыка переходности.

Теоретические споры о границах переходного периода в связи с российскими реалиями продолжались и в начале 2000-х годов. Отметим одну из работ того времени под звучным названием «Где начало того конца?» [4], в которой, помимо прочего, указывалось на опасность «стационарной переходной экономики» в случае укоренения неформальных институтов в стране. Переходная проблематика еще сохранялась в учебном процессе: одним из последних крупных учебных изданий в этом ряду можно считать «Трансформаци-

онную экономику России», выпущенную в МГУ в 2006 г. [8]. Но постепенно она стала сокращать свои масштабы. Не то чтобы она иссякла вовсе, но острота и степень ее использования стали заметно снижаться.

Так закончился ли переходный период в России? Каковы критерии поиска адекватного ответа на этот вопрос? Как позиционировать сложившуюся в стране экономику? Эти вопросы требуют размышлений, которые будут представлены в данной статье.

С начала экономических преобразований в России прошла целая четверть века. Уже сама их продолжительность нацеливает на подведение итогов. При утвердительном ответе на вопрос о конечных границах переходного периода применительно к новой России обычно принимают во внимание следующие факты: наличие основных элементов рыночной экономики, рыночных институтов, рыночного поведения субъектов; получение (2004 г.) Россией статуса «страны с рыночной экономикой», подкрепленное несколько лет назад ее вступлением в ВТО; положительная (на протяжении примерно десятилетия, исключая два кризисных спада) макроэкономическая динамика, выход (2007 г.) на до-реформенный уровень объема ВВП. К тому же некоторые международные агентства (в данном случае агентство MSCI) включают Россию по критерию состояния рынков (прежде всего, финансовых) не в группу стран с переходными рынками, а в группу стран с развивающимися рынками [10].

Однако могут ли формальные, статусные и статистические изменения быть верным критерием завершения периода трансформации? В данном вопросе надо руководствоваться более существенными характеристиками. Главное — состоялся ли выход страны на качественно новые позитивные рубежи (технологические, структурные, социально-экономические

и иные) в результате трансформационных усилий, сформирован ли уровень развития, принципиально недоступный прежней системе? И тогда во внимание следует принять следующее: сложившиеся в России рыночные отношения и механизмы во многом являются еще неразвитыми и деформированными; сохраняются мотивы к изменению целого ряда институтов (прежде всего, институтов социального, финансово-инвестиционного, структурно-отраслевого, инновационного характера), что по параметрам институционализма считается признаком наличия институционального неравновесия; усилилось отставание от развитых стран по многим содержательным показателям (конкурентоспособность, инновационные и технологические характеристики, состояние человеческого капитала и др.); экономический рост в России в 2000-е гг. не был качественным и устойчивым, не сопровождался глубокими технологическими и структурными сдвигами, а две за последние 8 лет кризисные полосы обнажили хрупкость и уязвимость национальной экономики. Все указанные характеристики объективно не могут свидетельствовать о завершенности периода переходной экономики. В противном случае у перехода нет содержательного целеполагания, и получается, что все сводится лишь к «эффекту разнообразия».

Правильнее говорить лишь о завершении в основном преобразовательного этапа трансформации экономики России, в результате которого были созданы (хотя и в сильно деформированном виде) основы рыночной экономики. Но нельзя сводить переходный период только к преобразовательным мероприятиям.

Каким же образом проходил и должен был проходить переходный период, какие характеристики должен включать в себя, через какие этапы следовать?

2. Этапы переходного периода

В 1990-е гг. в России в ходу была формула «трёхэтапного вхождения в рынок», которая озвучивалась с самых высоких трибун. Считалось, что после первого этапа, включавшего в себя институциональные преобразования и либерализацию экономики, следует этап макроэкономической (точнее, финансовой) стабилизации, после которого в экономике начинается инвестиционный этап или этап роста. Начальный из этих этапов охватывал первую половину 1990-х гг., второй — середину данного десятилетия, а третий намечался на конец 1990-х — начало 2000-х гг. Однако, как известно, намеченная логика, формально реализованная в самых общих чертах на первых двух этапах, завершилась глубоким кризисом 1998 г., проводшим жирную черту под такого рода моделированием трансформационных процессов. И такой финал был неизбежным, поскольку нацеленность на экономический рост в такой конструкции сознательно откладывалась на целое десятилетие. Между тем логика могла быть иной. Либерализация экономики и институциональные преобразования, составлявшие сердцевину первого этапа, должны были быть изначально сориентированы на рост экономики, создавая благоприятные конкурентные и институциональные условия, прежде всего, для реального, а не спекулятивного сектора экономики. Макроэкономическая стабилизация не должна была сводиться к чисто финансовой стабилизации, достижение которой сопровождалось «безденежьем» экономики, чудовищным расширением бартера и неплатежей, вползанием экономики в «ловушку равновесия на нулевом уровне»; она должна была изначально содержать в себе производственное и социальное наполнение, выход на траекторию развития. Отсутствие такой нацеленности на первых

двух этапах рыночных изменений неизбежно привело к негативному результату.

Но что произошло в России потом? В реальности (что называется, «по жизни») получилось так, что Россия вновь вошла в трёхэтапный формат, но только на более широком историческом поле. Первым этапом можно считать все десятилетие 1990-х гг. (без его детализации, приведенной выше). Характеристикой следующего этапа (бо льшая часть «нулевых» годов нового века) стала коррекция экономического курса, сопровождавшаяся снижением уровня накопившихся деформаций и положительным переломом макроэкономики в стране. С конца указанного десятилетия стал позиционировать себя новый этап – этап модернизации: были программно провозглашены (сначала в 2008 г., а затем в конце 2011 г.) модернизационные намерения и в особенности нацеленность на формирование в России инновационной экономики. Сама по себе необходимость модернизации, а следовательно, и данного этапа не вызывает сомнений. Удручает то, что ёмкий и мобилизующий термин «модернизация» стал звучать реже. Замечается ослабление внимания к терминологии и идеологии модернизации. Вероятно, сказалось влияние российского политического цикла. Но было бы непродуктивным подвергать ревизии идею модернизации российской экономики, которая не может быть привязана лишь к конъюнктуре политического цикла и к конкретным политическим персонам, а является давно назревшей. Жизненно важное для России направление, вызвавшее большой научный интерес и реализующее давние и породившее новые надежды, не может оказаться в ряду политико-конъюнктурных лозунгов. Модернизация российской экономики, при всей необходимой коррекции ее научного и практического

оформления, должна оставаться стержнем стратегического курса развития страны.

Итак, обозначились три крупных этапа новой России: преобразовательный этап (одновременно этап трансформационного кризиса); этап коррекции, стабилизации и положительной макроэкономики; этап модернизации. Последний этап в данных координатах выглядит как необходимое звено. В целом же указанная последовательность, во-первых, отражает реалии исторического процесса в новой России, как бы к ним не относиться, а во-вторых, фиксирует необходимость перехода к модернизации – и с этой точки зрения может быть принята. Другое дело, является ли она идеальной и безальтернативной? И ответ, на наш взгляд, должен исходить из того, что логика здесь могла быть иной, как и в отношении разобранных выше «трехэтапного вхождения в рынок». Преобразования должны были сразу содержать нацеленность на задачи модернизации и поддержку инновационного сектора экономики. Огромные финансовые ресурсы, полученные Россией на втором этапе и обеспечившие макростабилизацию и положительную динамику в условиях выгодной внешнеэкономической конъюнктуры, могли бы придать количественному росту модернизационное наполнение, чего практически не происходило в «тучные годы». Отсутствие такой нацеленности на первых двух этапах рыночных изменений привело к явному запозданию российской модернизации: она искусственно была заторможена на полтора десятилетия. Что касается самой модернизации и инновационного развития, то они, во-первых, столкнулись с возникшими кризисными явлениями и вынуждены теперь реализовываться в неблагоприятных условиях, а во-вторых, пока не воплотились в заметные, масштабные конкретные шаги.

Возвращаясь к вопросу о границах переходного периода, отметим теперь, что только осуществление модернизации российской экономики и на этой основе выход на качественно новые технологические и социально-экономические рубежи будет означать завершение указанного перехода. Отмечу в этой связи, что еще в начале 2000-х гг. ряд ученых из постсоциалистических стран Восточной и Центральной Европы, с которыми мне тогда удалось контактировать (в частности, венгерский профессор Т. Бауэр — руководитель кафедры сравнительного анализа и трансформации экономических систем Университета Франкфурта-на-Майне, ФРГ), высказывались в том духе, что рыночные преобразования должны завершиться «европеизацией», означающей, помимо институциональной адаптации, и выход на средневропейский уровень социальных и экономических показателей. Конечно, такая постановка вопроса применительно к России в прямом виде вряд ли оправданна (в силу геополитических, исторических, цивилизационных причин и т.п.), однако в ней содержится важный посыл выделения качественного критерия оценки исторического движения стран с переходной экономикой. Для России завершение переходного периода связано не с «европеизацией» как таковой, а с модернизацией, выводящей страну на качественно новый уровень развития.

Но нужно указать и еще один параметр, до сих пор не вовлеченный в наш анализ: он сводится к формированию адекватной национальной модели экономики, учитывающей весь комплекс национальных особенностей страны. Без формирования такой модели переход к рынку не может быть эффективным. Итогом преобразований должна быть не просто рыночная эконо-

мика, а национальная модель смешанной экономики, адекватная всему набору национально-специфических факторов (как экономических, так и неэкономических; как внутренних, так и внешних), а также стратегическим, жизненно необходимым для России целям национального развития, национальным интересам, особенностям российской цивилизации, при этом сопрягаемая с прогрессивными линиями современного мирового развития и идущая в русле модернизации. Национальная модель должна обеспечить органическое единство экономики, общества, цивилизации. Говорить о такой адекватности сейчас не приходится. Кто-то на это может возразить так: да, конечно, российская экономика несовершенна, но после рыночных трансформаций всё более или менее, образно говоря, «устаканилось», эта экономика не рассыпается, связи внутри нее, так или иначе, налажены, взаимодействие экономических агентов осуществляется, национальные особенности (хорошие или плохие — какие уж есть) впитались в эту экономику — вот это и есть «естественно» сложившаяся экономическая модель или система страны. Но это такая «система», которую можно было бы охарактеризовать словами популярного советского шлягера: «а я его слепила из того, что было». Она причудливо сочетает в себе фрагменты накопленных деформаций, необдуманного импорта институтов, субъективных воздействий, неконструктивной ориентации определенных экономических субъектов и т.п. Скорее, это неадекватная (и в чем-то, особенно для 1990-х гг., антинациональная) модель, в значительной мере не соответствующая особенностям России, ее стратегическим интересам, задачам развития. Экономика с такими характеристиками вряд ли может квалифицироваться в качестве перспективной.

Переход к новому эффективному типу экономики в идеале должен быть одновременно и периодом трансформации, и периодом модернизации, и периодом формирования национальной экономической модели. Только в таком случае этот переход может быть квалифицирован как полноценный, адекватный и конструктивный. Такого перехода и такого совмещения в России не произошло, и в этом корень ее многих современных проблем.

Подведем промежуточные итоги по вопросу о границах и этапах переходного периода. Если последний трактовать расширенно, то, поскольку в России не произошло указанного выше совмещения, необходим переход к новому, заключительному этапу трансформации, включающему в себя модернизацию и формирование адекватной национальной модели и исправляющему негативные последствия предыдущих этапов. Если же отождествлять переходный период только с проведением преобразований и, стало быть, считать этот период уже завершеным в России, то следует признать необходимость нового переходного периода, который должен привести к реализации обозначенных выше конструктивных задач. В любом случае переходность сохраняется. Таким образом, нам в России еще рано отказываться от трансформационной проблематики. К тому же происходят и глобальные трансформационные процессы, в которые так или иначе втянут весь мир. А, кроме того, само указание на переходность позволяет более строго обозначить вектор развития страны и его содержательное наполнение, что крайне важно для современной России. Намного хуже «застой» якобы сложившейся рыночной экономики.

3. Характер современного кризиса в России

Серьезным препятствием для осуществления модернизации в России является «не вовремя» наступивший кризис. Если в предыдущие 2 года можно было говорить о замедлении темпов экономического роста, то в 2015 г. четко обозначились прямые кризисные признаки. Прежде всего, это отразилось в динамике реального ВВП: по данным Минэкономразвития РФ, за первое полугодие этого года он сократился на 3,4% (причем во втором квартале — на 4,4%), а в целом в 2015 г. он может снизиться на 2,8% (прогноз Минэкономразвития РФ), 3,4% (прогноз МВФ), 2,7% (прогноз Всемирного банка) [9]. Имеющиеся положительные прогнозы на последующие годы весьма сомнительны.

Было бы большим упрощением связывать данный кризис (впрочем, как и предыдущий кризис 2009–2010 гг.) только с внешнеэкономическими причинами (снижение цен на нефть и газ, замедление роста у ряда крупных торговых партнеров и др.), добавляя к ним сейчас (в отличие от предыдущего кризиса) и экономические санкции Запада. Этот кризис имеет преимущественно внутреннюю природу и во многом связан с проблемами переходного периода. В этом кризисе переплелось много разных сторон. Отметим наиболее важные из них.

Первая его сторона выражается в том, что он есть продолжение трансформационного кризиса российской экономики, который остро проявился в 1990-х гг., который на самом деле не разрешился и не завершился, несмотря на последующую положительную макродинамику. Проявлением этого является незавершенность структурной перестройки экономики, отсутствие ее масштабной диверсифика-

ции, сохранение сырьевого профиля, а также неразвитость и деформированность многих институтов, включая, в частности, национальную банковскую систему, инвестиционные институты, национальную инновационную систему и др. В этом проявилась незавершенность трансформации российской экономики.

Вторая сторона кризиса состоит в том, что он выступает и как незавершенный воспроизводственный кризис национальной экономики, начавшийся еще в советских условиях 1980-х гг.: за весь прошедший период так и не произошло кардинального обновления элементов основного капитала, выхода экономики страны на новый технологический уровень, а, следовательно, до сих пор не завершился и экономический цикл, который должен был за это время «прокрутиться» несколько раз. Это своего рода автономный национальный циклический кризис, который растянулся на десятилетия и в котором проявилось отсутствие модернизации в период трансформации.

Оба указанных аспекта свидетельствуют о том, что нынешний кризис в России является концентрированным выражением и продолжением трансформационного и воспроизводственного кризисов национальной экономики. Внешние факторы стали лишь детонатором обострения внутренних российских проблем. Положительная макродинамика 2000-х гг., обусловленная главным образом благоприятными внешнеэкономическими факторами, как бы «купировала» указанные кризисы, перевела их в скрытую, латентную форму. И точно так же негативные внешние факторы (ценовые, финансовые, а теперь и геополитические) вскрыли хронические болезни российской экономики. Таким образом, российский кризис имеет преимущественно внутреннюю природу.

Третья сторона кризиса выражается в том, что он представляет собой и кризис сложившейся в России за четверть века национальной экономической модели. Как уже отмечалось выше, это модель ущербная и неперспективная, неадекватная как национально-специфическим факторам, присущим России, так и стратегическим целям национального развития.

Четвертый аспект современного российского кризиса связан с кризисом экономической политики, проводившейся весь этот период. Несмотря на продолжительность и, казалось бы, разнообразие этого периода, он отличался постоянством (с 1992 г. и по сей день) финансового приоритета над нуждами развития реального сектора экономики и новых технологических укладов, что (наряду с другими провалами экономической политики) так и не позволило создать адекватный технологический базис суверенного и перспективного развития страны.

Пятый аспект сводится к морально-ценностному кризису: навязчиво прививавшаяся в российском обществе с начала 1990-х гг. система ценностей, основанная на индивидуализме и стимулах «общества потребления», показала свою односторонность и неадекватность российским условиям, задачам национальной консолидации.

И только в последнюю (шестую) очередь это кризис внешнеэкономический и геополитический, в котором Россия сейчас оказалась — но опять-таки, прежде всего из-за утраченной за прошедший период самодостаточности и крайне ослабленного технологического и экономического суверенитета.

Выделяют и другие стороны кризиса, также подчеркивающие его национальный характер [2, с. 23-28]. Есть и традиционный набор объяснения причин кризисных

явлений (факторы спроса и предложения, их соотношение, структура бюджета и платежного баланса, монетарные причины и т.п.), которые при всей их функциональной и практической важности опускаются в данном анализе из-за их периферийности относительно глубинных причин кризиса.

Таким образом, только вся совокупность предложенных выше характеристик дает полное и системное представление о природе и причинах современного кризиса российской экономики. И, как видно, главное здесь — это внутренние характеристики, большинство из которых восходит к глубинным проблемам трансформации, модернизации и национальной модели экономики или, иначе говоря, к проблемам переходного периода.

Для эффективного противодействия такому объемному кризису нужно учитывать все его стороны. Оно должно охватить и институциональную среду, и структуру национального хозяйства, и технологическую сферу, и параметры национальной экономической модели, и экономическую политику, и морально-ценностную сферу общественной жизни, и требования национальной безопасности. Иначе говоря, антикризисные действия должны носить комплексный характер, учитывающий генезис и реальное состояние российской экономики. Важно то, чтобы они не замыкались в текущей антикризисной «скорлупе», а реализовывались в русле стратегического развития России, включающего в себя осуществление модернизации и формирование адекватной российской модели экономики.

4. Формирование российской национальной модели экономики

Как уже отмечалось, важным признаком оценки успеха трансформационных изменений является завершение формирования национальной экономической

модели, которая адекватна национально-специфическим условиям страны.

Объективными предпосылками формирования такой модели выступают уровень и характер национальных производительных сил, национально-специфические факторы, жизненно необходимые цели национального развития. Данную зависимость можно выразить как необходимость соответствия экономических отношений в стране национальным производительным силам, национальным факторам и целям развития (это своего рода соотношение функции и ее аргументов).

России присуще своеобразие (во многом — уникальность) целого ряда неэкономических факторов, оказывающих устойчивое и долгосрочное воздействие на экономику. Это и природно-климатический, и географический, и геополитический, и социокультурный факторы и многие другие. Они оказывают влияние на соотношение рынка и государства, на степень социальной ориентации экономики, на множество других характеристик экономики — и с этим нужно считаться.

Также необходимо принимать во внимание и долгосрочные цели национального развития России, к числу которых относятся следующие:

- обеспечение суверенного развития и исторически сложившегося статуса страны в мире;
- глубокая модернизация экономики и достижение на этой основе существенного повышения конкурентоспособности национальной экономики;
- «сбережение народа»: улучшение демографической ситуации и наращивание человеческого потенциала России;
- сохранение территориальной целостности страны, обеспечение единого экономического пространства на всей огромной территории.

И реализация указанных целей, и действие названных выше национальных факторов вызывают серьезные последствия, требуя адекватных экономических отношений, касающихся прежде всего регулирующей роли государства и степени социальной ориентации экономики.

Исходя из обозначенных предпосылок и зависимостей, можно сформулировать наиболее важные идеальные черты российской модели экономики в их наиболее общем виде:

— суверенная крупномасштабная экономика, обладающая высокой самодостаточностью (технологической, научно-технической, энергетической, финансовой и т.п.) и способная обеспечить целостное расширенное национальное воспроизводство и реализацию национальных интересов при использовании возможностей, предоставляемых глобализацией;

— смешанный способ координации, более весомая роль государства по сравнению со «стандартными» рыночными экономикami;

— многообразие форм собственности, включая важную роль государственной собственности в стратегически важных сферах («командных высотах»);

— высокая степень социальной ориентации экономики и социальной консолидации;

— активное использование социально-духовных аспектов в экономической жизни с учетом исторически сложившейся системы ценностей;

— инновационная, диверсифицированная экономика;

— новая индустриальная экономика, вбирающая в себя все новые прогрессивные линии развития;

— открытая экономика, сочетающая степень своей открытости с обеспечением национальной безопасности.

Российская экономическая модель в таком качестве будет представлять собой такой тип современной смешанной экономики, который сможет органично соединить национальное своеобразие с передовыми общемировыми процессами, с задачей глубокой модернизации отечественной экономики — иначе говоря, успешно интегрировать «почву» и «проект». Об этом автор писал более подробно [6].

В России, как уже отмечалось, рыночные преобразования проходили как бы сами по себе, без акцента на формирование адекватной и эффективной национальной модели, а та «модель», которая де-факто складывалась в стране, вобрала в себя далеко не лучшие фрагменты, не отражает национальных потребностей и в силу этого не может быть признана перспективной. В силу этого необходим переход к адекватной (по сути, новой) национальной модели экономики, контуры которой были обозначены выше.

5. Модернизация и новая индустриализация в российской экономике

Выше уже подчеркивалось, что рыночная трансформация, начавшаяся в 1990-е годы, должна была изначально исходить из необходимости ее совмещения с модернизацией. Между тем с самого начала преобразований возобладал «рыночный детерминизм», когда сам переход к рынку приобрел самоценное значение. В итоге в России получилась трансформация без модернизации, что стало причиной многих накопившихся в российской экономике проблем. Россия остро нуждается в модернизации — пусть и запоздалой. Ее место в историческом поле современной России определяется тем, что она, во-первых, вынуждена и может выполнить задачи, не решенные на предыдущих этапах или возникшие новые (конкретно — санкции Запада, потребовавшие широкого

импортозамещения); во-вторых, способна дать решающий импульс и материальную основу для завершения формирования национальной модели экономики; в-третьих, позволит вывести экономику на качественно новый уровень. В противном случае мы будем иметь масштабный «трансформационный застой», «стационарную переходную экономику».

Модернизация – термин давний и многоаспектный. Опасно «заболтать» модернизацию, свести ее к периферийным аспектам. Важнейший признак экономической модернизации состоит в неразрывности изменений в экономике с глубокими сдвигами в сфере производительных сил. Он предполагает определенное производственно-экономическое наполнение модернизации. Важнейшими составными частями последней можно считать: технологическую модернизацию (обновление средств производства, формирование нового технологического уклада), структурную модернизацию (перестройка структуры экономики с акцентом на передовых отраслях и сферах), воспроизводственную модернизацию (переход к инновационной экономике, к новому качеству «человеческого капитала», формирование нового типа воспроизводства). Все это должно сопровождаться адекватным изменением характера экономических отношений и институтов.

Жесткий вывод состоит в том, что модернизация российской экономики носит вынужденный характер. В условиях трансформации произошло резкое ослабление экономического потенциала страны, усилилось технологическое отставание от развитых стран. Все это несет серьезную угрозу национальной безопасности России, ставит под сомнение ее возможность обеспечить суверенное развитие, сохра-

нить мировой статус и территориальную целостность. Это подрывает и социальную устойчивость, снижает возможности «сбережения народа» и воспроизводства «человеческого капитала». В этих условиях модернизация в России становится вопросом выживания.

Неизбежным следствием этого становятся ограниченные по времени, исторически сжатые рамки проведения российской модернизации. Другим следствием является нацеленность на высокую верхнюю границу модернизации. Локальный и умеренный характер модернизации не способен в сложившихся условиях сформировать материально-техническую базу суверенного развития России, обеспечить ее технологическую и экономическую безопасность, долгосрочную национальную конкурентоспособность. Занять скромную нишу, встроиться в сложившуюся структуру мировой экономики, не проявлять амбиций – это не тот путь, который соответствует роли, статусу и национальным интересам России. Конечно, нельзя при этом впадать в идеализм, терять под ногами почву, не ощущать реального положения дел в стране и мире. Следует видеть также те возможности, которые предоставляет глобализация для импорта новых технологий, приобретения передового опыта, для международной кооперации и т.п. Курс на технологический изоляционизм, опоры исключительно на внутренние силы – крайне затратен, неэффективен и в настоящее время трудноосуществим. И, тем не менее, следует принимать во внимание особое положение России, специфику ее задач, так же как и имеющийся у нее потенциал.

Внешнее давление, оказываемое в последнее время на Россию в связи с известными геополитическими событиями, показало, насколько опасна для нашей стра-

ны зависимость от импорта технологий. По данным Минпромторга РФ (2014 г.), доля импорта в ряде стратегических отраслей России превышает 80%, при этом в станкостроении – более 90%, в тяжелом машиностроении – до 80%, в легкой промышленности – до 90%, в радиоэлектронике – до 90%, в фармацевтической и медицинской промышленности – до 80% [3]. Эффективное импортозамещение в этих и других сферах должно стать важной частью российской модернизации, перейти в разряд стратегических задач.

Крайне важно теоретически и практически зафиксировать стержень модернизации. Здесь обнаружилось несколько подходов, наиболее выпуклыми из которых являются два.

Один из них можно обозначить как либерально-институциональный подход (А. Кудрин, В. Мау, Е. Ясин и др.) (см., напр., [7]), придающий главное значение рыночно-конкурентной среде и обслуживающим ее институтам, уклоняясь при этом от признания активной, созидательной роли государства и стратегического планирования. Данный подход при этом часто оперирует внешне броскими понятиями «инновационная экономика» и «постиндустриализм», которые выступают, видимо, как заменители важной роли индустрии и промышленной политики. В заметной степени этот подход проявился и в разработанной в основном либеральными экономистами Стратегии инновационного развития РФ (Стратегии-2020).

Другой подход получил название «новой индустриализации» (С. Глазьев, С. Губанов, В. Рязанов и др.) (см., напр., [1]). Еще несколько лет назад указанный термин (лозунг) фигурировал на высоком государственном уровне, но, похоже, был «подмят» Стратегией-2020 и стал вымываться из официального лексикона.

Можно считать, что ориентация на «новую индустриализацию» придавала новое дыхание идее модернизации, сделав ее более определенной, конкретной, содержательно наполненной, тем более что изначально, исторически модернизация привязывалась именно к индустриальному развитию. Выделим ее некоторые содержательные характеристики, более детально изложенные в одной из статей автора [5].

Неоиндустриализм (относительно классического индустриального базиса) характеризуется переходом к автоматизации, информатизации, экологизации индустриальных производств, к формированию нового типа воспроизводства – наукоемкого, высокотехнологичного и эколого-эффективного, выражающего собой развитую ступень интенсивного типа воспроизводства. Таким образом, он не сводится только к важной роли индустрии в структуре отраслей современной экономики (и не надо козырять здесь фактом преобладающей доли сферы услуг в создании ВВП развитых стран), но отражает и новый уровень технологической основы экономики, и новое качество «человеческого капитала», и новый тип воспроизводства. Это явление носит комплексный (а не узкоотраслевой) характер, формируя широкую картину передовых изменений.

В последние полвека в определенном исследовательском сегменте происходило то, что можно было бы назвать «постиндустриальным империализмом»: все научно-технические достижения, относящиеся к двум последним техническим укладам, плюс вся сфера формирования и использования «человеческого капитала», «экономика знаний», «инновационная экономика» и другие подобного рода проявления «новой экономики» объявлялись постиндустриальными, тем самым насаждалась попутно мысль об исторической ущерб-

ности и пространственной ограниченности индустриальной экономики. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что в основе многих новых достижений лежали преимущественно изменения в самом индустриальном базисе или сопряженные с ними, а за «постиндустриализм» выдавалось то, что можно было бы считать новым этапом индустриального общества. Это, скорее, «постстарый индустриализм».

Мировые реалии показывают, что индустриализм, несмотря на его затянувшиеся «похороны», обладает огромным потенциалом, способностью к внутренним изменениям и выходу на новые этапы и не раз демонстрировал это и в XX веке, и начале XXI века. Несмотря на количественное преобладание сферы услуг в отраслевой структуре ВВП развитых стран, их экономики продолжают оставаться по корневым, технологическим основам преимущественно индустриальными. Не стоит забывать и того, что современные государства с развитыми экономиками в международных классификациях по-прежнему именуются «индустриально развитыми странами».

Инновации, часто именуемые «постиндустриальными», как правило, предполагают индустриальное сопровождение или прямо опираются на индустриальный базис, а, кроме того, важное значение в современной экономике продолжают играть и собственно индустриальные инновации. «Новую экономику» нельзя отрывать от индустриальной базы (к тому же постоянно обновляемой) как широкого основания развития. Именно новая индустриализация создает более высокую устойчивость материально-технической базы страны, а также возможность удержания и накопления потенциала «новой экономики».

Интересно и то, что доля индустрии в ряде развитых стран в последние годы начинает расти из-за возвращения на их на-

циональную территорию производств, вынесенных ранее в слаборазвитые страны по мотивам экономии труда (на Западе именно этот процесс стал обозначаться термином «новая индустриализация»). Причем это возвращение в значительной степени связано с еще большей экономией труда, порожденной интенсивной автоматизацией современного промышленного производства и применением робототехники в развитых странах.

Стоит обратить внимание и на то, что на Западе сейчас в ходу термин «третья индустриальная революция» (см., напр., [11]), в центре которой находится переход к использованию возобновляемых источников энергии в единстве с ресурсосберегающими наукоемкими технологиями и продуктами. При этом важно то, что экологический аспект, содержащийся в данной концепции, не выглядит периферийным, локальным. Он существенно воздействует на состояние экономики. Во-первых, экологизация пронизывает все отрасли индустрии, создавая попутно новые производства и отрасли. Во-вторых, она тесно связана с инновациями, с появлением новых технологий. В-третьих, она ведет к повышению экономической эффективности (считается, что «аварийные» расходы в случае отказа от охраны окружающей среды могут выразиться в снижении мирового ВВП на 5–20%). В-четвертых, она повышает качество человеческого капитала, поскольку востребованным становится более высокий уровень квалификаций. В-пятых, она повышает роль долгосрочного коллективного интереса по отношению к краткосрочным частным интересам. В-шестых, она обуславливает также необходимость сильной «экологической индустриальной политики», направленной на стимулирование энергосбережения, поддержку разработки наукоемких, экологически

эффективных технологий, подготовку новых кадров, формирование долгосрочных стратегий развития и т.п. В целом идея третьей промышленной революции служит дополнительным аргументом в пользу концепции новой индустриализации.

Новая индустриализация во всем объеме ее обозначенных выше характеристик должна стать стержнем российской модернизации, способным вывести отечественную экономику на новый уровень. «Постиндустриализм», как было показано выше, не обладает таким качеством и выглядит довольно рыхлым и несамодостаточным, несмотря на романтическую возвышенность самого посыла. Что касается «инновационной экономики», то, при всей привлекательности и перспективности этого феномена, она часто выступает (подается) без необходимого «якоря», каким и могут быть неоиндустриальные технологии: ведь новая индустриализация (если слегка переиначить термин) есть не что иное, как инновационная индустриализация.

Важный вопрос касается соотношения рынка и государства в осуществлении модернизации. Российская модернизация нуждается в установлении такого способа экономической координации, для которого характерна более активная роль государства, задействование инструментов модернизации «сверху». Основаниями этого служат, во-первых, крайне низкая инновационная деятельность частных компаний (включая и крупные); во-вторых, временные ограничения российской модерниза-

ции; в-третьих, объективно сложившаяся в России совокупность указанных выше национально-специфических условий, объективно ограничивающих степень либеральности экономической среды. Внешне привлекательные либерально-институциональные предложения по модернизации не учитывают должным образом всех этих факторов.

Модернизация российской экономики должна быть сопряжена с национальными особенностями России, включая и систему присущих ее социуму ценностей. Опора на национально-духовные ценности не является тормозом модернизации: во-первых, последняя, напротив, получает естественную среду и не требует болезненной цивилизационной «ломки», а во-вторых, традиционные российские ценности, содержа в себе весомый творческий заряд, обладают инновационным потенциалом и в этом смысле крайне перспективны, позволяют органично соединить «почву» и «проект», национальное основание и модернизацию.

Подведем итоги анализа. В России произошел разрыв процессов трансформации, модернизации и формирования национальной экономической модели, что предопределило накопление многих сложных проблем отечественной экономики. Только успешное осуществление модернизации в форме новой индустриализации и создание адекватной российской модели экономики позволит завершить переходный период в России и вывести ее экономику на качественно новый уровень развития.

Литература

1. Губанов, С. Системный выбор России и уровень жизни / С. Губанов // Экономист. – 2011. – № 11. – С. 3-55.
2. Губанов, С.С. Системный кризис и выбор пути развития России / С.С. Губанов // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. – 2015. – № 2. – С. 23-41.
3. Доля импорта в стратегических отраслях превысила 80 процентов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lenta.ru/news/2014/07/10/import>

4. Капелюшников, Р. «Где начало того конца?..» (к вопросу об окончании переходного периода в России) / Р. Капелюшников // Вопросы экономики. – 2001. – № 1. – С. 138-156.
5. Кульков, В. О позиционировании новой индустриализации / В. Кульков // Экономист. – 2014. – № 10. – С. 43-53.
6. Кульков, В.М. Параметры исследования и формирования национальной экономической системы в России / В.М. Кульков // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 3. – С. 24-31.
7. Мау, В. Между модернизацией и застоем / В. Мау // Вопросы экономики. – 2013. – № 2. – С. 4-23.
8. Трансформационная экономика России / под ред. А.В. Бузгалина. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 616 с.
9. Улюкаев объявил о достижении российской экономикой дна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lenta.ru/news/2015/07/27/lowest/>
10. Greece First Developed Market Cut to Emerging as UAE Raised [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bloomberg.com/news/2013-06-11/>
11. Jenike, M. Dritte industrielle Revolution / M. Jenike, K. Jakob // Internationale Politik. – 2008. – № 5. – S. 35-41.

Сведения об авторе

Виктор Михайлович Кульков – доктор экономических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленгоры, д. 1, стр. 46, viqma@migmail.ru)

Kul'kov V.M.

Is Transition in the Russian Economy Complete?

Viktor Mikhailovich Kul'kov – Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University (1, Building 46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation, viqma@migmail.ru)

Abstract. A quarter of a century passed since the beginning of market transformation (transition) in Russia; nevertheless, there are serious doubts about whether the transition is complete. The effective transition to a new type of economy should ideally be a period of transformation, modernization and the formation of a national economic model. Only in this case can it be qualified as full, adequate, and constructive. Such combination has not taken place in Russia; it seems as if the market transformations were taking place independently, and this is the root of Russia's many contemporary problems. The current crisis in the Russian economy primarily reflects the pendency of these tasks that were necessary to be solved from the very beginning of transformation. This crisis is first of all a focused expression and continuation of the transformation and reproduction crises in the national economy, the crisis of the current defective economic models and the then pursued economic policy. External factors only facilitated the exacerbation of Russia's internal problems. In order to respond effectively to such a large-scale crisis it is necessary to consider all its aspects and underlying causes originating in the challenges of the transition period. Only the implementation of economic modernization and the formation of an effective national economic model is able to bring the Russian economy to a new level of development and thus to bring the transformation, which is lagging behind due to historical reasons, in line with these processes. In this case there will be good reason to conclude that the final border of the transition period is overcome. A new model of Russia's economy must be adequate to the entire set of national-specific factors and strategic and vital development goals that Russia has. The core of modernization must be new industrialization, which is characterized by

the transition to automation, computerization, greening of industrial production, the transition to a new type of reproduction – science-intensive, high-tech and environmentally-effective and accompanied by a corresponding change in the nature of economic relations and institutions.

Key words: transformation, modernization, new industrialization, Russian model of economy.

References

1. Gubanov S. Sistemnyi vybor Rossii i uroven' zhizni [The System Choice of Russia and the Standard of Living]. *Ekonomist* [Economist], 2011, no. 11, pp. 3-55.
2. Gubanov S.S. Sistemnyi krizis i vybor puti razvitiya Rossii [Systemic Crisis and the Choice of the Way of Development for Russia]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: faktory, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2015, no. 2, pp. 23-41.
3. *Dolya importa v strategicheskikh otraslyakh prevysila 80 protsentov* [The Share of Import in Strategic Industries Exceeded 80 Percent]. Available at: <http://www.lenta.ru/news/2014/07/10/import>
4. Kapelyushnikov R. "Gde nachalo togo kontsa?.." (k voprosu ob okonchani perekhodnogo perioda v Rossii) ["Where Is the Beginning of That End?.." (On the Question of the Transitional Period in Russia Being over)]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economy], 2001, no. 1, pp. 138-156.
5. Kul'kov V. O pozitsionirovani novoi industrializatsii [On the Positioning of the New Industrialization]. *Ekonomist* [Economist], 2014, no. 10, pp. 43-53.
6. Kul'kov V.M. Parametry issledovaniya i formirovaniya natsional'noi ekonomicheskoi sistemy v Rossii [Parameters of the Study and the Formation of the National Economic System in Russia]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economical Revival of Russia], 2014, no. 3, pp. 24-31.
7. Mau V. Mezhd modernizatsiei i zastoem [Between Modernization and Stagnation: Economic Policy in 2012]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economy], 2013, no. 2, pp. 4-23.
8. *Transformatsionnaya ekonomika Rossii* [Transformation Economy of Russia]. Ed. by A.V. Buzgalin. Moscow: Finansy i statistika, 2006. 616 p.
9. *Ulyukaev ob'yavil o dostizhenii rossiiskoi ekonomiki dna* [Ulyukaev Announced Russia's Economy Has Reached Its Bottom]. Available at: <http://www.lenta.ru/news/2015/07/27/lowest/>
10. *Greece First Developed Market Cut to Emerging as UAE Raised*. Available at: <http://www.bloomberg.com/news/2013-06-11/>
11. Jenike M., Jakob K. Dritte Industrielle Revolution. *Internationale Politik*, 2008, no. 5, pp. 35-41.